

— Хм? Его приготовила Таня?

— Не могу поверить, что ты смог определить это, только попробовав.

Он скромно улыбнулся.

— Я лишь предположил. В любом случае, зачем вы позвали меня?

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

Я допила чай и поставила чашку. Когда я оглянулась на Дида, он сидел на краю стула.

— Не напрягайся так.

— Это стоит сказать вам самой.

— А...

Я рассмеялась над словами Дида, указывающего на мои недостатки.

Будто подтверждая его слова, я по привычке напряглась еще сильнее.

— Прости. То, что я собиралась тебе сказать — Дорсен покинул рыцарский орден.

Дид, кажется, встречался с Дорсеном много раз, когда он был с моим дедушкой. Во время инцидента с Балтик его также поймали вместе с ним.

— Ясно.

Дид отреагировал гораздо спокойнее, чем я предполагала.

Как будто действия Дорсена были очевидны.

— Ты спокойнее, чем я ожидала. Ты... Уже знал?

— Нет. Но я догадывался.

— Почему?

— Прежде чем покинуть дом, он спросил меня: «Кто такой в действительности рыцарь?»

— Он, рыцарь, спросил об этом тебя, не бывшего никогда рыцарем?

— Он сказал: «Вы с Райлом гораздо больше подходите под описание рыцаря, чем я». Так что я не особо понял, что он имеет в виду, и ответил, что понятия не имею.

— А...

— Он сказал, что, сосредоточившись на репутации и гордости, он в конечном итоге отошел от того самообладания, которым должен обладать рыцарь.

— Как ты на это ответил?

— Какое же самообладание должно быть у рыцаря? Это то, что я спросил. Потому что как бы он ни работал, он может стать только собой. Я думаю, что лучший вопрос: «Чтобы достичь

своей цели, что я должен делать, над чем я должен усердно работать?» От него я не чувствовал, что он пытается что-то сделать для себя или что он пытается стать сильной версией самого себя. На самом деле у меня было ощущение, что он преследует идеализм, даже не понимая своей собственной позиции. Вот почему он был так одержим титулом рыцаря и гордился своим собственным классом. Но это то, чем большинство дворянских детей похожи.

— Сурово. И ты сказал ему все это?

— В общих чертах. После этого он сказал: "Придя сюда, я подумал обо всем. Я совершил тяжкие грехи. Поскольку я не могу вернуться во времени, мои грехи будут простираться в будущее до бесконечности. Если бы это был только я, мне было бы все равно, но я испортил даже саму идею рыцарства. Вот почему я должен искупить это. Когда я, наконец, закончу это делать, я вспомню свои собственные надежды о том самообладании, и намереваюсь найти его снова.

— О... Звучит замечательно.

— Миледи, вы совершенно спокойны. Я думаю, что для него это было довольно серьезное решение.

— Это от того, что меня это не особо заботит.

— Как холодно.

— Я думаю так. Единственный способ, которым я могу выразить это. Услышав, что он выразил свои идеалы... Ну и что? Пока он ничего не делает мне или этой территории, мне все равно, что он делает. Потому что, по правде говоря, я думаю, что все, что было в прошлом, больше не имеет значения.

— Так вы простили его?

— Я не могу притворяться, что тогда ничего не произошло. Я тоже изменилась из-за всего этого, как в позитивном, так и в негативном смысле. Но это тоже в прошлом. Вместо того, чтобы ограничивать себя этим, у меня есть более важные дела.

В каждый напряженный день все это казалось бесконечно далеким прошлым. Казалось, что это случилось с кем-то другим.

По сравнению с чувством ограниченности чем-то подобным, в будущем меня ждало нечто гораздо более важное.

Но весь этот инцидент все равно оставил глубокий след в моем сердце.

Хотя я уже исцелена, рана все еще осталась, какая-то психологическая травма.